

Я бросился во двор, к келье старшего ламы. У ее двери всегда стоял молодой лама, но сейчас там не было никого. Я толкнул дверь: внутри крошечная тьма. Нашупав лампу у входа на подставке, я зажег ее и осмотрел комнату.

Там никого не было. Ламы тоже ушли.

Меня била дрожь. В памяти всплыли картины прошлого, кажется, я несколько раз переживал нечто подобное.

Каждый раз, когда такое происходит, потом случается нечто невероятное. Взъерошив волосы, я бросился назад, молясь, чтобы Толстяк не пропал. Надеюсь, что он все еще там. Нет, Толстяк просто обязан быть на месте.

Увидев его рядом со статуей младшего брата, я чуть в голос не зарыдал.

Видит бог, я невезучий. Мне много лет не везло. И, наконец, это прошло. Небеса повернулись ко мне лицом.

Если даже Толстяк оставит меня, не думаю, что сойду с ума. Но это выбьет меня из равновесия, и я снова начну совершать ошибки.

Он удивился, увидев, как я, запыхавшись, вбежал во дворик, и спросил: "Снова вляпался во что-то? По твоей роже не похоже, что все прошло гладко".

Я задумался: а каким должно быть мое лицо в случае успеха? Или я должен был, вернувшись, спеть национальный гимн? "У меня нет проблем, но новости хреновые. Видишь ли... я не знаю, как сказать. Дай мне сначала в себя прийти. И я должен прикоснуться к тебе и убедиться, что ты в самом деле здесь".

Ничего не понимая, Толстяк переспросил: "Да что за фигню бессвязную ты бормочешь?"

Мы зашли в комнату, Толстяк прикрыл дверь, а я постепенно успокоился. Видя, что лама до сих пор лежит на полу, я почувствовал обиду. Почему, когда Толстяк кого-то охраняет, с ним ничего не происходит? Неужели только я всегда попадаюсь на чью-то удочку? Лицо у меня такое наивное, что ли? Или на лбу написано "можно сбежать, этот человек дурак"?

Толстяк снова стал расспрашивать меня. Все еще сбитый с толку, я пытался подобрать слова, и наконец просто сообщил: "Все ушли".

"Ушли? Куда ушли?"

"А я почему знаю? Но в храме нет никого. Даже старший лама пропал. Может, они решили посреди ночи перекусить в городе?" Кажется, я пытался острить, подражая Толстяку.

Толстяк нахмурился, зашипел и сказал: "Говори сейчас же, где родился и рос? Раньше ты речами заливался, а теперь из тебя слова не вытащишь. Нашел время шутки шутить. Сейчас маску с твоим лицом только ленивый не носит. Я даже тебе доверять не могу, особенно если ты ведешь себя необычно. К счастью, мы знакомы много лет, я тебя, как облупленного, знаю, и голос твой от подделки всегда отличу. Иначе бы решил, что тебя снова подменили".

Думаю, это он говорил совершенно серьезно. И доля истины в его словах есть. Поэтому я молча кивнул, а он снова спросил: "Так что ты имел в виду? Бля, да что здесь произошло? Не растекаясь мыслью по древу, объясни мне все это".

Я глубоко вздохнул, помолчал немного, и в мельчайших подробностях рассказал Толстяку обо всем, что видел, не забыв упомянуть все свои подозрения и фантазии.

Выслушав меня, Толстяк, кажется, не поверил: "Бред какой-то. По-твоему, сейчас в храме остались только мы трое?"

Я ответил: "По крайней мере там, где я побывал, действительно никого нет. Я даже пытался позвать кого-нибудь, но никто не откликнулся. И еще одна странность: свечи, лампы, угольные печи — все потушено. Если бы это было нападение или беда какая-то, никто не стал бы так аккуратно тушить огонь. Казалось, все просто спокойно ушли отсюда".

Он почесал в затылке: "Думается господину Толстяку, что это странно. Особенно потому, что с тобой это уже не впервые. А ты не придумал все это? Я ж тебя знаю. Увидел, что в помещении темно и страшно, зайти не решился, просто выкурил сигарету у входа. А теперь мне мозги конопатишь".

"Ты, блять, меня с подлым обманщиком Чжу Бацзе перепутал?" — возмутился я.

"Наивняшка, по-хорошему прошу тебя, скажи мне правду", — ласково попросил Толстяк.

У меня не было желания с ним спорить: "Если не веришь мне, сам иди посмотри. Теперь я уже не боюсь оставаться здесь. Но каждый раз, когда так происходит, мне это кажется ненормальным. Все идет не по плану, и это меня расстраивает".

Толстяк закивал: "Ладно, ладно, я тебе верю. Просто не хочу верить в то, что ты сказал, иначе тоже расстроюсь. Давай так. Ты посторожишь этого ламу, а я сам все осмотрю. Вдруг ты что-то пропустил".

Но я вдруг запаниковал: "Нет, не надо. Вдруг ты уйдешь, увидишь там что-то еще и не вернешься. И где мне тогда тебя искать? Мне с этим ламой в этой комнате придется остаться навечно. Это же сплошное блядство. Я не хочу, чтобы меня оставляли наедине с этим ублюдком".

Толстяк опешил: "И что нам тогда делать? Тоже отправиться перекусить на ночь глядя?"

А что, неплохая идея. Я сразу предложил: "Давай, в самом деле, уйдем из храма. Заодно осмотрим все хорошенько по дороге. Этого человека возьмем с собой. Действовать будем по ситуации. Если в храме, в самом деле, никого нет, мы спустимся в город, переночуем там, а завтра на рассвете попросим помощи у местных".

Толстяк кивнул, соглашаясь. Я помог ему взвалить ламу на спину, и мы пошли, стараясь не шуметь. Сначала я отвел его туда, где Чжан Хайсин и Чжан Хайкэ устроили свое дурацкое шоу. Затем мы проверили комнату немцев и внутренний двор, где располагалась келья старшего ламы. Обойдя весь храм, Толстяк переменялся в лице и прошептал: "Что за нахуй? И вправду никого".

Мы обшарили каждый уголок храма, обошли все дворики, где могли быть люди, надеясь найти хоть одну живую душу. Но, кроме нас, никого не было. И везде было темно, ни одного огонька даже маленькой свечи.

Наконец, мы направились к воротам храма. Толстяк открыл их и замер, глядя на снег. Обернувшись, он покачал головой и спросил: "Наивняшка, а ты много в своей прошлой жизни грешил?"

Я удивленно спросил его, что он имеет в виду. "Сам посмотри", — ответил Толстяк и отошел в сторону, позволяя мне выглянуть за ворота.

<http://tl.rulate.ru/book/89763/3354834>